

**ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА
РОМАНОВИЧА ЛУРИЯ
(1902-2002)**

**А.Р.ЛУРИЯ: ОБРАТНАЯ
ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА**

В. ЗИНЧЕНКО

“Его внешность сразу располагает к нему. Молодое улыбающееся лицо, седая голова, через очки в модной золотой оправе глядели умные веселые глаза”. Так писала об Александре Романовиче близкий друг его семьи, актриса, режиссер, педагог, писатель М.О.Кнебель. Таким знали одного из крупнейших психологов XX века современники, среди которых были В.М.Бехтерев, И.П.Павлов, Л.А.Орбели, Н.А.Бернштейн, С.М.Эйзенштейн, Л.С.Выготский, Б.М.Кедров, Б.М.Теплов, Р.О.Якобсон, К.Коффка, К.Левин, ныне здравствующие Джером Брунер и Карл Прибрам. Таким он запомнился и более молодым поколениям психологов, физиологов, филологов, лингвистов...

А.Р. родился 16 июля 1902 года в Казани, в медицинской семье. Отец – Роман Альбертович – гастроэнтеролог, мать – Евгения Викторовна – зубной врач. Видимо, интересом не только к медицине, но и к психологии А.Р. (он был доктором психологии и доктором медицины) обязан семье. Одна из книг его отца – “Внутренняя картина болезни и ятрогенные заболевания” (1935, 1973). В ней рассматриваются болезни, имеющие психологическое происхождение, внушенные неправильным диагнозом, поставленным врачом. И все же, если Роман Альбертович шел от медицины к психологии, то А.Р. – от психологии к медицине и физиологии.

В 1917г. А.Р.Лурия поступил на юридический факультет Казанского университета, параллельно учился в Педагогическом институте; в 1921г. по совету отца поступил на медицинский факультет, где проучился два года. Медицинское образование он закончил в 30-е годы. Жадность к учебе

преследовала его всю жизнь. Как и жадность к науке. В научной автобиографии (“Этапы большого пути”, 1982) А.Р. характеризовал свою жизнь как “длинную серию научных исследований, которая продолжалась более чем в течение половины столетия”. Результаты этой серии отражены в 350 публикациях на русском языке, в 250 – на английском. Велико число публикаций и на других языках.

В 1923г. А.Р. переезжает в Москву, где вся его жизнь связана с Психологическим институтом и Московским университетом. В 1966г. в МГУ им была основана кафедра нейропсихологии. Параллельно он работал в Институте дефектологии, в Институте нейрохирургии им. Н.Н.Бурденко и многих других научных учреждениях.

Разнообразие и широта научных интересов А.Р. поразительны: влияние утомления (реального и внушенного) на время реакции; выявление “моторного портрета” аффективных реакций и изобретение детектора лжи (1926г.); десятилетия наблюдений над великим мнемонистом; десятилетия совместной работы с пациентом над восстановлением утраченной им автобиографической памяти; диагностика и реабилитация утраченных или нарушенных психических функций; диагностика локальных поражений мозга; роль речи в формировании произвольных движений и действий; механизмы памяти; травматическая афазия, алексия; язык, мышление и сознание и т.д. – всего не перечислить. Главное – острота взгляда, внимание, которое, по выражению Новалиса, – мать гения. Притом, внимание к человеческой индивидуальности, а не к симптомам.

Подобная, на первый взгляд, разбросанность тематики, ее калейдоскопичность имела определенную внутреннюю организацию, доминанту, стержень. В центре, несомненно, оставалась психика, но она была представлена в его работах в обрамлении культуры и физиологии (нейрофизиологии) мозга. Поэтому, когда говорят, что А.Р. – создатель нейропсихологии, то это, хотя и важнейшая, но лишь одна часть его жизненного дела. Нейропсихология в понимании Лурии есть производная культурно-исторической психологии, в создании которой он вместе со своим учителем Л.С.Выготским принимал самое непосредственное участие. Ее ключевым понятием является “новообразование”. А.А.Ухтомский сказал бы – новый функциональный орган индивидуальности, новый орган мозга, а И.Г.Фихте добавил бы – душой и сознанием назначенный. Подчеркну: не анатомический, а функциональный, следовательно, не врожденный, а благоприобретенный, построенный в ходе индивидуального обучения и развития. В ходе построения новой функции строится и обеспечивающая ее осуществление структура – соответствующая мозговая организация, физиологическая функциональная система. Значит, новообразование имеет

культурное происхождение, динамическое психологическое строение и не менее динамическую мозговую (телесную) организацию.

Утрата в исследовании какого-либо одного из звеньев делает его научно и практически ограниченным. Достижение равнопрочности исследования – труднейшая задача, которую А.Р. решал всю свою жизнь. И здесь его собственные достижения, достижения его научной школы, равно как и достижения мировой науки, пока еще весьма скромны. Но задачу осознал и поставил именно он. Ему же принадлежат многие интуитивные прозрения, нередко обеспечивавшие успехи практической диагностики и реабилитации. Поэтому главной заслугой А.Р. можно считать создание психологической физиологии, что шире, чем нейропсихология. Оценивая в этом деле заслуги А.Р., нельзя забывать о давнем замысле А.А.Ухтомского – познание анатомии и физиологии человеческого духа. Нужно помнить и изыскания Н.А.Бернштейна, вклад которого в создание психологической физиологии А.Р. высоко ценил.

Триада “культура – психика – мозг” означает простую и вместе с тем чудовищно сложную вещь: мозг, как и человек в целом, не может быть понят вне контекста культуры, вне контекста высших психических функций и сознания. Здесь научные и практические достижения А.Р. в области диагностики локальных поражений мозга, а также реабилитации его функций трудно переоценить. Разрешающая способность психологических методов диагностики, разработанных школой А.Р., оказывалась выше физиологических методов. Как говорил А.А.Ухтомский: субъективное – не менее объективно, чем так называемое объективное. И это подтверждает опыт старых добрых врачей, ставивших точный диагноз без современного инструментального оснащения. Нейропсихологические методы, созданные А.Р., продолжают использоваться в клинических исследованиях и сегодня, несмотря на успехи томографии и ее многочисленных разновидностей. Используются и научные труды. Спустя 25 лет после кончины А.Р., индекс цитирования его работ остается очень высоким.

По советским меркам судьба А.Р. была счастливой. В ней было всякое: признание его достижений и запрещение его работ (опубликованных совместно с Л.С.Выготским); открытие лабораторий и закрытие их, увольнения и периоды безработицы (к счастью, не очень долгие); вызовы и допросы в НКВД, но без ареста. О демагогической критике в его адрес, обвинениях в идеологических грехах, которые он не то что совершить, но и понять был не в состоянии, можно и не говорить. Последнее обвинение – в идеализме – настигло его за два года до кончины. Видимо, в силу возраста А.Р. воспринял это обвинение более аффективно, чем прежние. Он был рад, увидев в журнале “Вопросы философии” выступление в его защиту. Словом, поводов для волнений и переживаний было достаточно. А.Р. не любил

распространяться на эти темы, не был склонен драматизировать ситуацию, хотя иногда бывал готов к худшему. Примеров, проходивших перед его глазами, хватало. Нельзя сказать, что А.Р. извлекал из этих событий какие-либо уроки для своей научной работы. Здесь он подчинялся своему таланту и чутью исследователя. Пожалуй, один урок он все же извлек. Понимая, что обладает недюжинными организаторскими способностями, А.Р. упорно избегал занимать руководящие посты, превосходящие по масштабу лабораторию или кафедру. “Представительские” функции он охотно уступал другим. Ему жаль было тратить на них время. К тому же, он был слишком самим собой, чтобы играть не свойственные ему роли.

Замечательно, что А.Р. представлял собой “лицо неофициальное”, но абсолютно авторитетное, пользовавшееся неограниченным доверием у многих. При том, что ему принадлежит немало собственных открытий, он не уставал находить открытия в работах западных и отечественных ученых и знакомил своих коллег и друзей друг с другом. Приведу лишь один пример. А.Р. убедил Н.А.Бернштейна сделать английский перевод ряда своих работ и содействовал их изданию в Англии. Познакомившись с ними, Д.Брунер написал в письме А.Р., что Н.А.Бернштейн – человек на грани гениальности, и сожалел, что не познакомился с ним при его жизни. Не поддается перечислению западная психологическая литература, которую А.Р. рекомендовал издательству “Прогресс” для перевода на русский язык, и советская психологическая литература, которую он рекомендовал этому и многим западным издательствам для перевода на европейские языки. Если учесть еще его собственные книги, изданные на многих языках, то следует признать, что существовал огромный невидимый “Издательский Дом Александра Лурия”.

Казалось бы, мелочь, но нельзя забыть, что А.Р. многие годы был Президентом, точнее – отцом родным “Международного Землячества” иностранных студентов-психологов МГУ (не помню бюрократического названия для этой придуманной им самому себе должности, а на деле – миссии). Он не давал покоя другим преподавателям факультета, и те, “скрепя сердцем”, ездили на встречи в Общежития, а потом были бесконечно ему благодарны. О признательности студентов и аспирантов и говорить нечего.

Подлинным триумфом деятельности А.Р. стал XVIII Международный Психологический Конгресс в Москве (1966). А.Р. был больше чем просто Председатель Программного комитета Конгресса, он был его душой и мотором. Именно с этого времени отечественная психология, надеюсь, навсегда вернулась в мировое психологическое сообщество. Впрочем, сам А.Р. никогда его не покидал. То, что это был триумф именно А.Р., не осознавали в то время ни участники Конгресса, ни, конечно же, он сам. Подобная деятельность была его естественным состоянием.

Столь же бескорыстным было его внимание к научной молодежи в самом широком смысле этого слова, т.е. не только к своим ученикам. А.Р. одним из первых оценил талант Е.Н.Соколова, В.Д.Небылицына, М.И.Лисиной, А.И.Мещерякова, О.В.Виноградовой, В.И.Лубовского, В.В.Давыдова и многих других. Он содействовал устройству многих на работу по специальности (что тогда было очень нелегко), публикации их статей и книг (что всегда трудно).

Участливость (М.М.Бахтин сказал бы: участность в бытии) и доброта А.Р. сочетались с высочайшей требовательностью к ученикам, сотрудникам, коллегам. В начале 30-х годов медлительный (но отнюдь не флегматичный) А.В.Запорожец стал лаборантом А.Р. в Академии Комвоспитания им. Н.К.Крупской. Среди прочего, в его функции входила зарядка и проявка фотокиноматериалов. Нетерпеливый А.Р. торопил его, стучал в дверь темной комнаты, раздражался по поводу опозданий своего лаборанта. По словам А.В.Запорожца, за это время в лаборатории уже скапливалось некоторое количество сырых и убогих пациентов и испытуемых, что вызывало еще большее раздражение молодого мэтра. После двух-трех месяцев сотрудничества А.Р. сказал своему будущему коллеге и ближайшему другу: “Саша, может быть, ты когда-нибудь станешь именитым профессором, но лаборант из тебя никогда не получится!” И уволил его.

Многие годы спустя А.Р. категорическим тоном предложил своему бывшему лаборанту – тогда уже профессору, академику, директору и т.д. – немедленно приехать к нему. Запорожец не посмел ослушаться. А.Р. потребовал от него отчета за сегодняшний день. Несколько обескураженный А.В. послушно рассказал, что он делал в течение дня. Выслушав его, А.Р. в сердцах сказал: “Только в нашей стране золотыми часами забивают гвозди”, и отпустил с миром.

Один эпизод из наших с ним отношений. А.Р. как-то позвонил мне и строго сказал, чтобы я немедленно пришел к нему домой. При встрече, едва поздоровавшись, он произнес: “Если ты еще раз не выполнишь мою просьбу, я с тобой раззнакомлюсь”. Смутно припоминаю, что он был не вполне справедлив: я хотя и чувствовал за собой вину, но заслуживал снисхождения. Речь шла, ни больше ни меньше, как о написании мною двух глав для подготавливавшегося им тома “Человек” Детской энциклопедии. Мне действительно стало страшно. Я не стал вдаваться в объяснения, но с тех пор к его просьбам относился как к приказу, выполняя их более ответственно, чем просьбы непосредственных начальников и своего учителя – А.В.Запорожца.

Нужно отдать должное самому А.Р. Его ответственность, отзывчивость, пунктуальность служили образцом для окружающих. К сожалению, не так уж многие из них следовали его примеру. Об А.Р. даже нельзя сказать, что

он ничего не забывал. У него просто не было времени на забывание, потому что он ничего не откладывал на завтра, тем более – в долгий ящик. Это редкий дар “поступающего мышления” (М.М.Бахтин).

Еще один пример. На заседании Ученого Совета, в котором А.Р. принимал участие и слушал мой предварительный доклад о кандидатской диссертации, его попросили выступить моим официальным оппонентом. Он согласился. Спустя несколько дней при встрече он сказал мне: “Володя, я уже написал отзыв на твою диссертацию, когда же я, наконец, ее увижу?” Подозреваю, что он написал его сразу после Ученого Совета.

А.Р. был “жаворонком” и донимал “сов” ранними звонками. Кажется, что он имел снисхождение лишь к А.В.Запорожцу и не звонил ему раньше 10 часов утра. Систематичность А.Р. была поразительной. За месяц до кончины, в день своего 75-летия он показал мне, как подготовился к смерти. В нижних закрытых полках книжного шкафа были расставлены папки с неопубликованными работами. Шутя, он сказал, что осталась самая простая часть дела: подойти, взять папку и отнести в издательство. Как показали прошедшие после его смерти 25 лет (четверть века!), эта часть работы, во всяком случае, пока, оказалась непосильной. К сожалению, у А.Р. не осталось столь же преданного и энергичного ученика, каким был он сам в отношении к своему учителю Л.С.Выготскому. Будем надеяться, что еще не вечер. Труды Выготского А.Р. начал издавать через 21 год после кончины учителя. Вместе с А.В.Запорожцем они проделали титанический труд по изданию шеститомника сочинений Выготского, и оба не дожили до его выхода в свет. Нельзя забывать о его усилиях (совместно с А.Н.Леонтьевым) по изданию двухтомника Выготского во второй половине 50-х годов, как и о том, что именно А.Р. привлек Вяч.В.Иванова к изданию “Психологии искусства”.

Феномен “ученичества” А.Р. (как и такой же у А.В.Запорожца и Д.Б.Эльконина) – это особый сюжет, который нуждается в специальном психологическом анализе. Сам А.Р., завершая Автобиографию, пишет об этом очень просто, как о само собой разумеющемся: “Есть период первых исканий, встреча с гением, под влиянием которого я находился, и есть история моих дел, которые я смог совершить в течение довольно долгой жизни” (с.181). Ранняя эмансипация от учителя, видимо, не всегда является благом. Случай А.Р. тем более восхищает, что в своем сознании он считал себя учеником Л.С.Выготского более 40 лет после его кончины (1934), из которых в течение почти 20 лет труды учителя были запрещены. И какой ученик! Тысячу раз прав Стефан Тулмин, который в своем маленьком эссе “Моцарт психологии”, посвященном Л.С.Выготскому, назвал его ученика – А.Р.Лурию – Бетховеном. Уверен, что встреча Л.С.Выготского и А.Р.Лурии – это не просто счастливый случай. Это чудо, судьба, которая в равной мере

оказалась благосклонной как для ученика, так и для учителя. Не будем их сравнивать. Поверим завету О.Мандельштама:

*Не сравнивай. Живущий
несравним.*

А они оба живы. Ученик надолго продлил жизнь учителя – Л.С.Выготского, как и мы сегодня продлеваем жизнь нашего учителя и коллеги – А.Р.Лурия. Вообще-то, постоянный рефрен А.Р. об ученичестве у Л.С.Выготского надо бы попробовать воспринять *cum grana salis*. Вспомним, что именно он уговорил К.Н.Корнилова пригласить Выготского в Психологический институт, ученым секретарем которого А.Р. состоял. Но ведь в то время (или чуть позже) в институте уже работала блистательная плеяда ученых: Г.Г.Шпет, А.А.Смирнов, Б.М.Теплов, Н.А.Бернштейн, Н.И.Жинкин, С.В.Кравков, П.А.Шеварев, А.Ф.Лосев, П.П.Блонский, В.М.Боровский, А.Н.Леонтьев... Оставался еще и Г.И.Челпанов. С институтом сотрудничал Р.О.Якобсон. Подобного соцветия состоявшихся и будущих талантов, собравшихся в одном месте, не знал ни до, ни после ни один университет мира. При этом А.Р. – будучи одним из самых молодых (моложе был только А.Н.Леонтьев), так сказать, по должности, общался со всеми. В психологии это называется “латентное научение”. Иное дело, что А.Р. при такой богатой возможности выбора предпочел Л.С.Выготского... или более зрелый – Выготский предпочел самых молодых – Лурию и Леонтьева?

Л.С.Выготский слыл суровым учителем. Широко известна его жесткая критика в адрес А.Р. по поводу его высказываний об отношениях психоанализа и исторического материализма. К чести ученика следует сказать, что, редактируя первый том собрания сочинений Выготского, А.Р. это “слово” из песни не выкинул. Мне даже кажется, что он навсегда вытеснил из памяти слова “психоанализ” и “исторический материализм”.

Как бы то ни было, но А.Р. сам стал учителем, а Учитель А.Р. был замечательный. Скажу лишь об одном из его педагогических приемов, объектом которого довелось быть и мне. Я называю этот прием “испытание доверием”. Как-то он сказал мне: “Володя, ты преуспел в изучении зрительного восприятия, прочти в моем курсе “Общая психология” лекцию о зрительных образах”. Надо ли говорить, как я (и другие, которым он делал аналогичные предложения) готовился. Ведь А.Р., доверив лекцию, сам слушал ее, а его неліцеприятность в оценках была известна. Он был проніцателен, афористичен, и его оценки часто походили на диагноз.

Однажды А.Р. точно так же “бросил в воду” молодого Б.Величковского. Тот после длительной подготовки выпалил за 20 минут все содержание и растерянно остановился. А.Р. сказал ему: “Боря, все замечательно, а теперь начни сначала”. Молодому лектору не хватило оставшегося времени для

изложения того, что он приготовил. Эти опыты служили основанием для многократных предложений А.Н.Леонтьеву передать курс “Общая психология” следующему поколению. Не только курс...

Очень многие из разных поколений психологов испытали на себе благотворное влияние доверия А.Р. Мало этого. Он не только доверял молодым, но и выступал гарантом перед А.А.Смирновым, Б.М.Тепловым, А.Н.Леонтьевым, убеждая старшее поколение, что молодые справятся, и, разумеется, не только с чтением лекций. Рекомендовал их ученым и руководителям многих учреждений, иностранным коллегам. Нужно сказать, что А.Р. редко ошибался, точно чувствуя, какое дело кому по плечу. Он всегда видел человека в зоне, – точнее, в перспективе – его ближайшего и более отдаленного развития. Не ошибался А.Р. и в отрицательных оценках. К сожалению, к нему не всегда прислушивались. Это и мой грех, за который самому приходилось расплачиваться. И кажется, что до конца еще не расплатился...

Несомненно, А.Р. был человеком (если угодно – гражданином) мира. Но он жил и в другом маленьком мире своих друзей и коллег, который называют научной школой Л.С.Выготского или школой Л.С.Выготского – А.Н.Леонтьева – А.Р.Лурия, в которую входили Л.И.Божович, П.Я.Гальперин, А.В.Запорожец, Б.В.Зейгарник, П.И.Зинченко, Д.Б.Эльконин и др. Конечно, каждый из перечисленных был интересен, оригинален сам по себе, создал свою школу, но многие годы они держались вместе, были склонны подчеркивать то общее, что у них есть.

Самым общим у них, конечно, была судьба советского ученого, которая, несмотря на все типично советские (и военные) перипетии, тяготы, изгнания с работы, наветы, запреты и т.п., как говорилось выше, оказалась счастливой. Ведь они не были репрессированы и имели возможность работать. А по советским меркам это и было счастье. Впрочем, оценивалось оно вполне здраво. Как-то А.Р. поделился с женой Ланой Пименовной желанием отправить своего ученика Пээтера Тульвисте в Африку для проведения кросскультурных исследований. На что она заметила: ведь в Африке едят людей, а ей жаль Пээтера. А.Р., в свою очередь, ответил, что людей едят в Москве, а не в Африке.

Ожидание и страх репрессий, конечно, присутствовали, особенно в предвоенные годы. Страх погнал А.Р., А.Н.Леонтьева, А.В.Запорожца в Харьков, Л.И.Божович – в Полтаву, где их меньше знали, соответственно, была меньше вероятность ареста. Страх имел основания. В конце двадцатых возобновились аресты ученых, началась борьба за “чистоту идей”, стали размножаться “самозванцы мысли” (М.К.Мамардашвили), работы Выготского и Лурии подвергались критике и запрету. Замысел и “технология” переезда принадлежали А.Р., так как первым приютом в Харькове была для

них Всеукраинская психоневрологическая академия, в которой у А.Р. были контакты, в частности, с известным неврологом М.С.Лебединским.

Наше послевоенное поколение психологов застало их уже в Москве, хотя они какое-то время еще именовали себя харьковской психологической школой. Мне уже приходилось делиться своими размышлениями о “разделении функций” в этом замечательном научном сообществе, которое цементировали общая судьба, дружба и нежная любовь друг к другу. Ведь они все были такие разные, что никакая субординация между ними была немыслима.

А.Н.Леонтьев был признанный всеми лидер. Причем признанный охотно и добровольно. Никому не нужны были лишние хлопоты и заботы, связанные с этой ролью. А.В.Запорожец считался совестью, нравственным эталоном этого коллектива. В П.Я.Гальперине, которого они ласково называли Гальпетя, видели учителя, часто его называли “ребе” и советовались по трудным научным проблемам. Все, кроме А.Р. Гальперин по этому поводу говорил: “А что я могу посоветовать А.Р.? Ведь он пишет быстрее, чем я читаю”. Д.Б.Эльконин имел буйный научный темперамент, он был трибун, который хриплым голосом щедро разбрасывал свои идеи.

А.Р., несомненно, был гением, но каким-то добрым, домашним, доброжелательно и иронично улыбчивым, всецело поглощенным научными проблемами, людскими судьбами и заботами, – гением, которому некогда было подумать о своей гениальности. Он как-то очень буднично воспринимал и лишь изредка, не специально, а к слову, говорил о признании его научных заслуг, будь то издание книги за рубежом, избрание почетным членом иностранной академии или почетным доктором очередного иностранного университета. Если я не ошибаюсь, таких университетов было около 15.

Последняя глава Автобиографии А.Р. называется “Романтическая наука”. В ней, вслед за Максом Ферверном, он разделяет ученых по их отношению к науке на классиков и романтиков. Сам же А.Р. счастливо сочетал в себе свойства тех и других. Лучше сказать иначе: именно потому, что А.Р. был и оставался до конца жизни романтиком, он стал классиком. В одном из своих стихотворений он написал: “Жизнь без сказок – глупая шутка”. Расчленяя, анализируя, анатомируя реальность, как это и полагается классику, он никогда не утрачивал перспективы и свойств живого целого. Весьма показателен в этом отношении его посмертно опубликованный антиредукционистский манифест: “О месте психологии в ряду социальных и биологических наук” (Вопросы философии, 1977, № 9). Даже изучая отдельную психическую функцию, – память мнемониста, – он выводил из нее другие черты личности. Его романтизм, понимаемый в общечеловеческом (а не применительно к ученым) смысле, был невероятно деятельным и дейст-

венным. То, что в его планах друзьям, коллегам и ученикам иногда казалось фантастическим, какими-то девичьими грезами, оказывалось вполне реализуемым.

Вернемся к школе. Я вовсе не хочу идеализировать это сообщество, хотя оно стало и моим, так как они меня в него приняли. В этом сообществе проявлялись и центробежные силы, проскальзывала взаимная ирония, бывали научные претензии, иногда достаточно суровая критика, даже некоторая зависть (но никогда не корысть). Например, А.Н.Леонтьев упрекал А.Р. в легкомысленном отношении к теории, а А.Р. – Леонтьева – в суперсерьезном отношении к философским (читай: марксистским) аспектам психологии. А.Р. с трудом выносил философское, идеологическое суесловие, без которого, однако, нельзя было обойтись. В его научной автобиографии встречается трогательное признание: “Марксизм... медленно воспринимается советскими учеными, включая и меня”. Однажды во время не в меру идеологизированного доклада А.Н.Леонтьева он прошептал мне: “Ты посмотри на него. Когда я устану, у меня язык не шевелится, а у него, чем больше он устанет, тем больше балаболит, не может остановиться”. В какой-то момент, почувствовав ревность А.Н.Леонтьева, А.Р. перестал говорить ему об очередных знаках своего признания за рубежом. И все же, при всех своих различиях, взаимных претензиях, которые в конце жизни они почти не скрывали, они не могли и дня прожить друг без друга. Их разлучила только смерть.

Словом, это было живое сообщество, членам которого ничто человеческое было не чуждо. Помимо общей судьбы, их объединяли годы ученичества, сотрудничества с Л.С.Выготским и беззаветная любовь к психологии. А.В.Запорожец, перефразируя слова Аристотеля о метафизике, говорил, что много есть наук полезней, но лучше нет ни одной. Так что центрирующие силы всегда побеждали центробежные. Чтобы, не дай Бог, не сложилось впечатление, что это была некая секта, ложа, “орден меченосцев” и т.п., следует подчеркнуть широту их взглядов, терпимость к другим направлениям и научным школам, их тесные отношения и дружбу с другими психологами. А.Р. был более чем дружен с А.А.Смирновым, Б.М.Тепловым, Н.И.Жинкиным, А.Н.Соколовым, В.С.Мерлиным и многими другими.

Разумеется, свой, как сказали бы социальные психологи, референтный круг был у каждого представителя этой замечательной школы, державшейся на разнообразии, на уникальности каждого ее участника и... на чувстве юмора, без которого выжить и сохраниться в советское время было невозможно.

До сих пор я говорил об А.Р. как бы вокруг да около психологии. Но все это “вокруг” было возможно только потому, что он был психолог Мило-

стию Божией. Его интерес к науке, к ее проблемам счастливо сочетался с негаснущим интересом и любовью к людям, что в нашей психологической среде случается не так уж часто. Это было больше, чем научное любопытство, это была человеческая и человеческая любознательность, постоянное стремление понять причины страдания и найти пути для его облегчения. Стойкость его интереса к отдельному человеку поразительна. Она не имеет аналогов в мировой психологической литературе. Я имею в виду многие десятилетия его наблюдений над великим мнемонистом Ш. и над пациентом З. Первого А.Р. учил забыванию, второго – воспоминанию. И испытуемый, и пациент – герои его маленьких книжек – стали его друзьями. Уверен, не только они...

Напомню призыв А.Р. к психологам, сделанный им в “Маленькой книжке о большой памяти”. Он приглашал психологов следовать его примеру и детально описывать случаи исключительного развития отдельных психических способностей, так как подобные случаи помогут лучше понять целое. Правда, мне кажется, что этому призыву последовал лишь писатель В.В.Набоков, который едва ли знал о нем. Романы “Защита Лужина” и “Камера обскура” напоминают маленькие книжечки А.Р. Если сравнивать не художественные достоинства произведений Лурия и Набокова, а отношение авторов к своим героям, то, по моему мнению, выигрывает А.Р. Набоков, коллекционирующий причуды человеческой психики, относится к своим героям как ученый-энтомолог, разглядывающий редкие виды наколотых бабочек, а Лурия – как писатель, сопереживающий своим героям.

Вся жизнь А.Р. была отдана науке. При таких грандиозных масштабах научной, педагогической, клинической, организационной (никогда не публичной), коммуникативной (ни одно письмо не осталось без ответа) деятельности, казалось бы, ни на что другое просто не может быть времени. Но А.Р. было тесно в науке. Он постоянно вырывался из нее в культуру. Это не точно. Он просто жил в культуре, поэтому и психология его была культурно-исторической. А нейропсихология – это уже частность в замечательном культурном контексте. Правда, эта “частность” обеспечила ему мировую известность. Его интересовала мировая живопись (его библиотеке по живописи мог позавидовать самый взыскательный искусствовед), русские деревянные церкви (он сам сделал превосходную слайдотеку деревянного зодчества на русском Севере), киноискусство (отсюда его контакты с С.М.Эйзенштейном). Помню, что по его заказу я привез из Японии телеобъектив каких-то невообразимых размеров для его фотоупражнений.

Нужно сказать, что культура отвечала А.Р. взаимностью. Я недавно узнал, что многое в лингвистических построениях Р.Якобсона основано на исследованиях А.Р. Он об этом, несомненно, знал, но никогда не афишировал. То же можно сказать о теории построения движений

Н.А.Бернштейна, реконструированной из осколков патологии. Многие осколки – результат исследований А.Р. О психологической теории деятельности и говорить нечего. А.Р. – такой же ее создатель, как А.Н.Леонтьев, П.Я.Гальперин, А.В.Запорожец, П.И.Зинченко, Д.Б.Эльконин и др.

Последняя попытка подвести научные и концептуальные итоги психологической теории деятельности принадлежит именно А.Р. В конце 60-х годов у него дома состоялись несколько семинаров, на которых с докладами выступали А.Н.Леонтьев, А.В.Запорожец, Д.Б.Эльконин, П.Я.Гальперин и автор этих строк. Идея А.Р. заключалась в том, чтобы представить теорию деятельности и культурно-историческую психологию как нечто целостное. Интересное начало не было завершено. Слишком много у каждого было своих обязательств и планов. А жаль. Такая задача актуальна и сегодня.

Недавно признание А.Р. пришло совсем с неожиданной стороны. Питер Брук получил грант на экранизацию “Маленькой книжки о большой памяти”. Выдающийся режиссер дважды был в Москве, в Петербурге, встречался с людьми, которые знали А.Р. и мнемониста Ш. Конечно, он встречался со многими западными коллегами и друзьями А.Р. В итоге многих встреч Питер Брук сказал мне, что он почувствовал А.Р. своим братом. Это впечатление Мастера, полученное “из вторых рук”, говорит о многом и дорогого стоит. Между ними действительно есть нечто общее. Это лучащаяся из глаз доброта и непосредственно воспринимаемая, не требующая никаких доказательств талантливость.

Я говорил П.Бруку, что трудно подыскать актера на роль А.Р. Кажется, фильм создан не был, но спектакль в Париже П.Брук поставил.

К счастью, А.Р. еще живет в памяти многих поколений его учеников, когда-то молодых его друзей и коллег. Надеюсь, я выражу общее мнение. Чем дальше его нет, тем величественнее становится его фигура. И тем больше нам его не достает. Это примечательное свойство человеческой памяти, в которой действуют законы как прямой, так и обратной временной перспективы. Казалось бы, обыденные, порой незначительные детали жизни, деятельности, поведения А.Р. становятся более выпуклыми, выступают в новом свете и komponуются в большую, яркую личность. Уверен, посмертный рост Александра Романовича Лурия будет продолжаться.